

К ВОПРОСУ О ПОДВЕРЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ГЕНДЕРНЫМ СТЕРЕОТИПАМ

Цель настоящей работы заключалась в определении динамики усвоения гендерных стереотипов в разные возрастные периоды, а также изучались содержательные характеристики гендерной идентичности на каждом из них.

Вопреки житейским представлениям, что половая принадлежность индивида “дана” ему чисто биологически, половая идентичность – это результат сложного биосоциального, соединяющего онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания, процесса [1; 47].

Первичная половая идентичность, то есть знание своей половой принадлежности, складывается обычно к 1,5 годам и является наиболее устойчивым элементом самосознания. С возрастом объем, и содержание этой идентичности меняются, причем это часто связано с умственным и социальным развитием ребенка. К 6–7 годам ребенок окончательно осознает необратимость половой принадлежности; мальчики и девочки по собственной инициативе выбирают разные игры, у них проявляются разные интересы, стиль поведения и т.д.

В подростковом возрасте “Я”-идентичность обеспечивает целостность поведения, поддерживает внутреннее единство личности, обеспечивает связь внешних и внутренних событий и позволяет солидаризироваться с социальными идеалами и групповыми стремлениями. Она охватывает половую идентификацию, становление определенной мировоззренческой позиции и выбор той или иной профессиональной ориентации [2; 214].

В период зрелости человек соблюдает нормы и правила социальной жизни, несет ответственность за собственные решения и поступки. Но одновременно в этот надежный и спланированный взрослый мир прокрадывается сомнение, связанное с пониманием “сделанности” жизни, переживаниями отсутствия ожиданий новизны, спонтанности и возможности в ней что-то изменить, переживанием краткости жизни для осуществления всего желаемого и необходимости отказаться от недостижимых целей [2; 328].

Половозрастная стратификация общества на протяжении длительного периода истории человеческого общества вызвала необходимость раздельного воспитания детей, которая была продиктована жесткой поляризацией общественных функций мужчины и женщины и строгой иерархией половых ролей, когда считалось, что мужчина должен занимать социально более значимую позицию, а позиция женщины – зависимая и подчиненная [3; 75].

Таким образом, традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности-фемининности отличалась следующими характерными чертами: во-первых, мужские и женские виды деятельности и личные качества различались очень резко и казались полярными; во-вторых, эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись ненарушаемыми; в-третьих, мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими.

Сегодня положение радикально изменилось. Половое разделение труда потеряло былую жесткость, количество исключительно мужских и исключительно женских занятий резко уменьшилось, а взаимоотношения мужчин и женщин в семье и на производстве стали в принципе равноправными. Очень многие социальные роли и занятия вообще не разделяются на “мужские” и “женские”. Совместное обучение и общая тру-

довая деятельность мужчин и женщин в известной мере нивелирует также традиционные различия в их нормах поведения и психологии [1; 54]. Эти необратимые и в целом прогрессивные социальные сдвиги вызывают перемены и в культурных стереотипах маскулинности-фемининности, которые стали сегодня менее отчетливыми и полярными.

Некоторая неопределенность ролевых ожиданий (женщина ждет от мужчины рыцарского отношения в быту и в то же время не без успеха соперничает с ним на работе) вызывает у многих людей психологический дискомфорт и тревогу. Одни говорят об опасности феминизации мужчин, другие – об угрозе маскулинизации женщин. Фактически же происходит лишь ломка традиционной системы половых ролей и соответствующих ей культурных стереотипов.

Идеалы маскулинности и фемининности сегодня, как никогда, противоречивы. Во-первых, традиционные черты в них переплетаются с современными. Во-вторых, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. В-третьих, и это особенно важно, они отражают не только мужскую, но и женскую точку зрения. Неоднозначен как образ женщины, так и образ мужчины [1; 54].

Теоретико-методологический анализ разработанных проблем подверженности личности гендерным стереотипам в разные возрастные периоды позволил выявить основные направления современных исследований.

Одним из таких направлений является изучение влияния стереотипов на жизнь человека, в том числе и гендерных. Проведенные современные исследования утверждают, что гендерный стереотип – это устойчивый, эмоционально окрашенный образ поведения и черт характера мужчин и женщин. Данные стереотипы проявляются во всех сферах жизни человека: самосознании, в межличностном общении, межгрупповом взаимодействии.

В настоящее время в общественном сознании и практиках взаимодействия гендерные стереотипы рассматриваются как “истинные”, как некий консенсус, применяемый при решении проблем, для которых нет однозначных подтверждений и объективных критериев. По мнению Ф.Л. Джес, гендерные стереотипы, являясь “истинными”, трансформируются в ценности и формируют нормативные образы “истинной” феминности, маскулинности. Таким образом, существующая норма поведения превращается в предписание [4].

Гендерные стереотипы выступают в качестве гендерных схем. Гендерные схемы – это когнитивные категории гендера. Они управляют процессами обработки поступающей к нам информации. Благодаря ним мы начинаем воспринимать, запоминать и интерпретировать ее в соответствии с нашими представлениями о гендере. Гендерные схемы сохраняют способность противостоять изменениям потому, что черпают силы из трех источников: во-первых, они являются социально вознаграждаемыми, и общество оказывает осязаемое давление, заставляя придерживаться этих схем; во-вторых, частично самоуважение можно черпать из гендерной идентичности; в-третьих, гендерные стереотипы действуют в качестве схем и управляют процессами обработки информации таким образом, что наблюдаемое нами поведение интерпретируется в соответствии с нашими ожиданиями.

Выделяют несколько групп гендерных стереотипов [5]:

Яцук Светлана Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.

1. Стереотипы маскулинности-фемининности. В стереотипном представлении маскулинности приписываются “активно-творческие” характеристики, инструментальные черты личности, такие как активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, способность к лидерству. Фемининность, наоборот, рассматривается как “пассивно-репродуктивное начало”, проявляющееся в экспрессивных личностных характеристиках, таких как зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка. Маскулинные характеристики обычно противопоставляются фемининным, рассматриваются как противоположные, взаимодополнительные.

2. Представления о распределении семейных и профессиональных ролей между мужчинами и женщинами. Для женщины наиболее значимой социальной ролью считается роль домохозяйки, матери. Женщине приписываются нахождение в частной сфере жизни, дом, рождение детей, на нее возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. Мужчинам приписывается включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность, ответственность за обеспечение семьи. Наиболее значимыми социальными ролями для мужчины являются именно профессиональные роли.

3. Эта группа гендерных стереотипов определяется спецификой содержания труда. В соответствии с традиционными представлениями предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности. Для мужчин возможна творческая и руководящая, их труд определяется в инструментальной сфере деятельности.

Указанные стереотипы отличаются поразительной жизнестойкостью. Их прочная укорененность в сознании большой части населения способствует воспроизводству стереотипов из поколения в поколение в процессе социализации.

Гендерные стереотипы сформировались на основании восприятия и толкования половых различий в разные исторические периоды, в разных культурах, а также в результате веками существовавшего разделения труда. По мнению С. Фаррел и Д. Лорбер, в обществе существовало “табу на подобие”, которое утверждало и подтверждало существование половых различий, различий в социальных ролях мужчин и женщин, детерминировало гендерное неравенство [5; 144].

Гендерные стереотипы выступают генеральными соглашениями о взаимодействии “мужского” и “женского”. Позитивным в их действии Дж. Мани и П. Такер считают поддержку межличностного и межгруппового взаимопонимания и сотрудничества. Культурные стереотипы, по их мнению, должны быть одновременно ригидны и гибки, чтобы, с одной стороны обеспечивать устойчивость представлений, с другой – не останавливать развитие общества [6].

Но они могут и отрицательно сказываться на самореализации мужчин и женщин, выступать барьером в развитии индивидуальности. Следование гендерным стереотипам часто связано с механизмами должностования. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, самореализация и самовыражение невозможно, если деятельность выполняется на основании чувства долга. В подобной ситуации не учитываются личные интересы, теряется чувство “Я”, формируется зависимость. Подобные самоощущение и самовосприятие не соответствует идеям самореализации и свободного выбора [5; 145].

Но даже индивид, признающий свою независимость от гендерных стереотипов, может им следовать на бессознательном уровне. Так гендерные представления превращаются в самоисполняющиеся пророчества, то есть в неосознанное, внутреннее убеждение человека, установку по отношению к каким-либо объектам или событиям, реализующимся в реальном поведении. Имея неосознаваемые установки в отношении самого себя, индивид внешне заявляет независимость от гендерного стереотипа, но, тем не менее, привносит его в жизнь,

реализует стереотипное представление. Таким образом, гендерные характеристики являются составляющими “Я”-концепции личности.

В исследованиях также прослеживается направление, связанное с вопросами гендерной идентичности.

Понятие “идентичность” – одно из относительно новых и одновременно популярных понятий в психологии личности получило известность благодаря работам Э. Эриксона. В понятийном психологическом аппарате данное понятие подвергалось теоретическому осмыслению, благодаря которому было разделено на персональную (личностную) идентичность (тождественность самому себе) и социальную идентичность [5].

Понятие социальной идентичности описывает то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как пол, возраст, профессия или этническая принадлежность. Это те компоненты “Я” человека, которые переживаются им на уровне осознания принадлежности к какой-либо группе. Социальная идентичность – это результат процесса социальной идентификации. Она выполняет важные функции, как на групповом, так и личностном уровне: благодаря этому процессу общество получает возможность включить индивидов в систему социальных связей и отношений, а личность реализует базисную потребность групповой принадлежности, обеспечивающей защиту, возможности самореализации, оценки другими и влияния на группу.

Гендерная идентичность – это особый вид социальной идентичности, сосуществующий в самосознании человека в единстве с представлениями о профессиональном, семейном, этническом, образовательном статусе. Гендерная идентичность – продукт социального конструирования. Она начинает формироваться с рождения ребенка, когда на основании строения его наружных половых органов определяется его паспортный пол. С этого начинается процесс гендерной социализации, в ходе которого ребенка целенаправленно воспитывают таким образом, чтобы он соответствовал принятым в данном обществе представлениям о “мужском” и “женском”. Именно на основании существующих в обществе эталонов формируются представления ребенка о собственной гендерной идентичности и роли, его поведение, а также самооценка [5]. Факторы, которые способны оказывать на это влияние, бесконечно разнообразны и сложны. Из всех факторов, определяющих гендерную идентичность человека, можно выделить три группы: пренатальные факторы, факторы младенчества и детства и факторы пубертатного периода [7].

Немаловажное значение имеет также, по мнению ученых, аспект дифференцирующей социализации, влияющий достаточно сильно на развитие гендерной идентичности и формирование гендерных стереотипов.

Большинство специалистов полагает, что мальчики и девочки в процессе воспитания подвергаются разному обращению, что получило название дифференцирующей социализации. В каждом обществе от мужчин и женщин ожидается соответствие неким предписанным ролям, и в каждом обществе, как правило, мужчина и женщина обладают довольно согласованными представлениями об этих ожиданиях, нравятся они им или нет. Например, сразу же после определения пола розовый и голубой цвета могут быть использованы как отличительный признак, соответствующий названному полу, а о ребенке будут говорить “он” или “она”. Также предполагается, что с девочками будут обращаться нежнее и в более опекающем стиле, а с мальчиками – жестче, поощряя их на независимое поведение. Есть свидетельства того, что физические наказания чаще применяются к мальчикам, чем к девочкам. Тем не менее, в обзорах научной литературы по теме дифференцирующей социализации приводятся разные выводы о степени различий в обращении родителей со своими сыновьями и дочерьми [8].

Наблюдения за поведением родителей по отношению к новорожденным, к ребенку, находящемуся в затруднительном положении показывают, что психофизиологические реакции, сопровождающие эмоции, одинаковы у мужчин и женщин. Судя по экспериментам, эмоции мужчин и женщин в ситуации сопереживания ребенку мало различаются [8].

Подрастая, дети подвергаются дальнейшей социализации и усваивают поведенческие паттерны, которые считаются уместными для их пола. По мере того как ребенок все больше осознает себя, он начинает реагировать на воздействия со стороны окружающих его людей и становится носителем различимой Я-концепции, включающей представления о себе как о мальчике или девочке. Постепенно ребенок все яснее осознает пол своего тела, наличие у себя мужских или женских половых органов, и определяет их как часть своей сексуальной природы. Все эти факторы ведут к развитию первичной гендерной идентичности [7].

Процесс формирования психического пола начинается в дошкольном возрасте и особенно интенсивно протекает в дошкольный период детства. Различные социальные ожидания взрослых в отношении мальчиков и девочек дошкольного возраста и постепенное внушение им модели поведения, которое поощряется или получает отрицательное подкрепление, формирует у них определенные ценностные ориентации и предпочтения видов деятельности и поведения, соответствующих полу [9; 58].

По данным ряда исследований, половые различия детей в поведении, интересах, эмоционально-волевой и интеллектуальной сферах становятся наиболее ярко выраженными, начиная с 11–12 лет. Л.С. Выготский писал, что с наступлением полового созревания происходит всестороннее и глубокое изменение организма. Ребенок вступает как бы в новую фазу своего существования, появляется новый, прежде находившийся в латентном или скрытом виде фактор – пол [10; 86].

Один из существенных показателей решения данных проблем – осознание и переживание ребенком своей половой принадлежности, что предполагает наличие у него определенных представлений о наиболее привлекательных и значимых качествах личности мужчин и женщин.

Исследования показали, что практически единственной сферой жизнедеятельности, в которой формируется представления подростков об образах мужчины и женщины является сфера взаимоотношений с противоположным полом. Эти представления в каждом возрасте, отражают отдельные аспекты общения: в 8 классе – семейно-бытовые взаимоотношения, в 8 и особенно в 9 классе – более близкие им отношения между юношами и девушками, причем прежние представления не углубляются с возрастом, а заменяются другими. Такая смена сфер общения имеет принципиальное значение для формирования психологического пола [10; 85].

У подростков непосредственный жизненный опыт связан лишь с позицией ребенка, и поэтому их представления о мужественности и женственности – это, по-видимому, просто усвоенные соответствующие взгляды взрослых. Между тем известно, что в этом возрасте интенсивно формируются система межполовых взаимоотношений. Однако, как показывают данные многих исследований, представления подростков об идеальных качествах мужчин и женщин для этих взаимоотношений преимущественно связаны с понятием товарищества без учета половой принадлежности. Поэтому идеальные представления о мужчинах и женщинах и реальное поведение подростков как мальчиков так и девочек находится как бы в разных планах. Соответственно, идеал не выполняет своей регулирующей функции в качестве образца поведения.

У старших школьников основа для формирования идеальных представлений о мужественности и женственности – значимая для них сфера взаимоотношений с ровесниками противоположного пола. Она включает актуальные потребно-

сти, связанные с сексуальным развитием, осознание себя как человека определенного пола, идеальные образы мужчины и женщины как субъектов и объектов общения. Эти представления о себе и о других проверяются на практике, в непосредственной деятельности общения. Однако система определенных потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, то есть все, что относится к понятию “психологический пол”, формируется в этом возрасте только в названной сфере. Поэтому старший школьный возраст – это лишь один из этапов формирования психологического пола, но никак не окончание этого процесса. Он продолжается и у взрослых и имеет свои специфические особенности [10].

Гендерная идентичность и гендерная роль взрослых обычно распознаются как более маскулинизированные у мужчин и более феминизированные у женщин. Маскулинные и фемининные элементы присутствуют в каждом человеке, даже если его доминирующая идентичность больше склоняется к тому или иному типу. Поэтому различия в поведении между мужчинами и женщинами носят во многом количественный характер, то есть отличаются в основном по частоте проявления индивидуумом конкретных видов поведения. Также следует понимать, что многое из того, что рассматривается как маскулинные и фемининные черты, определяется обществом и культурой.

М. Мид пришла к выводу, что различия между полами в различных культурах в значительной степени зависят от того, в чем и как эти культуры различаются [11; 80]. И. Дубов отмечает, что значимых различий ценностей мужчины и женщины немного. Также минимальные различия между позициями мужчин и женщин в поддержке/отвержении высказываний о распределении ролей в семье и обществе. Отличия во взглядах на социальную роль женщины вызваны главным образом спецификой образа жизни. Все эти исследования свидетельствуют о том, что гендерные установки и стереотипы у мужчин и женщин, принадлежащих к одной культуре, достаточно близки. Это позволяет говорить об отсутствии различных субкультур мужчин и женщин, то есть в представлениях о гендерных ролях и стереотипах люди едины в рамках одной культуры и не существует особого “женского мнения” [11].

Провозглашаемая ориентация на социальное равенство мужчин и женщин приводит к тому, что их готовят к очень сходному, жизненному пути: независимо от пола всем необходимо получить образование и работать, семья для женщины выступает лишь как “дополнительная” сфера реализации. В то же время в нашем обществе очень влиятельными остаются традиционные взгляды на отношения полов как иерархические, поэтому как окружающие люди, так и различные обстоятельства постоянно напоминают о преимуществах мужчин. Подобная ситуация стимулирует развитие у женщин маскулинных качеств: конкурентности, стремления к доминированию, сверхактивности [12].

В итоге, полоролевая социализация в ее современном виде приводит к парадоксальным результатам: мальчиков как бы толкают на пассивность или внесоциальную активность, девочек, напротив, на гиперактивность и доминантность. В то же время жить им предстоит в обществе, во многом ориентированном на традиционные полоролевые стандарты.

Следовательно, каждый возрастной период, связанный с этапом становления психологического пола личности ребенка, имеет свою особую сензитивность к определенным воздействиям извне. Вместе с тем формирующийся на основе полоролевых стереотипов массового сознания психологический пол личности на разных этапах онтогенеза не может не испытывать влияния историко-культурных напластований, зафиксированных в таких формах, как, например, обычаи, фольклор и др. Это значит, каждый возрастной этап может актуализировать тот или иной пласт социогенеза межличностных отношений [3; 75].

Обобщив все вышесказанное, можно сделать следующие выводы: половая социализация, обучение ребенка половой роли, всегда производна от норм и обычаев соответствующего общества, культуры. Сюда входят, прежде всего, система дифференциации половых ролей, то есть половое разделение труда, специфические полоролевые предписания, права и обязанности мужчин и женщин, и связанная с ней система стереотипов маскулинности и фемининности, то есть представления о том, какими являются или должны быть мужчины и женщины. Тем и другим определяются принятые в обществе нормы сексуального поведения. Эта сложная система норм и отношений институционализируется в брачно-семейных и других институтах, посредством которых общество регулирует половую жизнь и воспроизводство населения, и обобщается и легитимируется в религиозно-идеологических системах полового и сексуального символизма [12]. Все это вместе взятое определяет тип половой социализации, объектом которой становится новорожденный, преломляясь, конечно, сквозь призму индивидуальных особенностей самого ребенка и его окружения.

Современные исследования половой идентичности указывают на сложный характер этого личностного образования. Оно рассматривается, прежде всего, как осознание и переживание индивидом позиции “Я” по отношению к неким образам – эталонам пола. Показано, что низкая дифференцируемость половых эталонов снижает влияние половой идентичности как механизма, влияющего на поведение, выбор ценностей. Исследования по возрастной динамике половой идентичности свидетельствуют о наличии двух кризисов в ее развитии, один – 3–5 лет, второй – подростковый возраст [27; 39].

Происходящее в нашем обществе изменение традиционной системы половых ролей и стереотипов серьезно влияет на психику и поведение мужчин и женщин. Половая демократизация несет с собой немало трудностей: потребности в новых отношениях между полами опережают способность к установлению, поддержанию и развитию новых отношений, которые к тому же постоянно корректируются жизненной практикой. Это не может не сказываться на половой социализации подрастающего поколения. По мере динамики НТР с присущими ей миграцией и взрывом влияния СМИ сфера проявлений традиционных полоролевых стереотипов сужается. Возникают сложные коллизии взаимодействия традиционных и новых полоролевых стереотипов, резко актуализирующие потребность в сравнительно-культурных исследованиях половой стереотипизации [14].

В проведенном нами экспериментальном исследовании мы попытались ответить на вопрос о подверженности личности гендерным стереотипам в нашей субкультуре, а также получить информацию о содержательных характеристиках гендерной идентичности на разных возрастных этапах. Объем выборки в нашем эксперименте составил 120 человек. Выборка была не случайной. В нее вошли: мужчины и женщины в возрасте от 30 до 40 лет, юноши и девушки в подростковом возрасте – 13–14 лет, мальчики и девочки дошкольного возраста – 5–7 лет. Количество каждой возрастной группы составило 40 человек: 20 человек женского пола, 20 – мужского. Для каждой возрастной группы был сделан выбор соответствующих психодиагностических методик, позволивших исследовать подверженность личности гендерным стереотипам и изучить содержательные характеристики гендерной идентичности личности. Для респондентов дошкольного возраста был предложен ассоциативный эксперимент со словами, ассоциативный эксперимент с картинками (по В.А. Абраменковой) и проективный метод (статический рисунок). Для респондентов подросткового возраста был предложен тест “Кто Я?” (М. Куна и Т. Маркпаргленда), опросник “Я – женщина/мужчина”, опросник С. Бэм и проективный метод (статический рисунок). Взрослым респондентам были предложены

те же методики, что и в подростковом возрасте, за исключением проективного метода.

Анализ данных, полученных в результате проведенного ассоциативного эксперимента с картинками, показал, что подверженность личности гендерным стереотипам в дошкольном возрасте, представлена следующей картиной: у 45% мальчиков – преобладание маскулинных характеристик; у 25% мальчиков – преобладание фемининных характеристик; у 10% мальчиков – преобладание нейтральных характеристик; у 10% мальчиков – фемининные равны нейтральным характеристикам; у 10% мальчиков – фемининные равны маскулинным характеристикам.

У девочек картина иная: у 80% девочек – преобладание фемининных характеристик; у 10% девочек – преобладание маскулинных характеристик; у 10% девочек – фемининные равны маскулинным характеристикам.

Это свидетельство того, что 45% мальчиков и 80% девочек подвержены гендерным стереотипам, а у других испытуемых представление об этих стереотипах размыто.

Результаты ассоциативного эксперимента со словами следующие: в основном все ассоциации были разделены по некоторым направлениям – вид деятельности, качество характера, хобби, работа, семейные роли. Это показатель того, что детьми в этом возрасте осознаются основные группы стереотипов: стереотипы маскулинности-фемининности, представления о распределении семейных и профессиональных ролей, специфику содержания труда.

Проективный метод исследования показал, что основными характеристиками, отличающими мужчин от женщин в дошкольном возрасте, являются: у 75% испытуемых – волосы и одежда; у 10% – украшения; у 5% – ресницы; у 5% – зубы; 5% – не выделили отличий.

В подростковом возрасте результаты исследования следующие:

Опросник “Кто Я?” – основными характеристиками, которыми описывают себя подростки, являются нейтральные характеристики и другие социальные роли. Фемининные и маскулинные характеристики чаще упоминаются девушками. Это свидетельствует о том, что девушки больше подвержены стереотипам, чем юноши.

Опросник “Я – женщина/мужчина”: у 10% девушек ответы соответствуют гендерным стереотипам; 90% девушек – плохо осознают либо “вытесняют” собственные гендерные характеристики; у 5% юношей ответы соответствуют гендерным стереотипам; 70% юношей – плохо осознают либо “вытесняют” собственные гендерные характеристики; у 25% юношей ответы не соответствуют гендерным стереотипам.

Данные результаты выявляют, что подростки-юноши более андрогинны, чем девушки.

Опросник С. Бэм: 15% девушек фемининны, у остальных (85%) индекс находится в пределах от -1 до +1, это свидетельствует об андрогинности. Однако их представления о мужчинах несколько иные. 35% девушек считают, что мужчины должны быть маскулинны, 65% – андрогинны. 20% юношей маскулинны, 80% – андрогинны. Их представления о девушках: 35% считают, что девушка должна быть фемининной, 5% – маскулинной, 60% – андрогинной.

В зрелом возрасте результаты исследования следующие:

Опросник “Кто Я?” – в основном фигурируют такие характеристики, как семейные роли, другие социальные роли и нейтральные характеристики. Отличительным является то, что женщины в зрелом возрасте намного чаще, чем подростки-девушки, употребляют фемининные характеристики.

Опросник “Я – женщина/мужчина” – женщины и мужчины показали одинаковые результаты: 5% мужчин и женщин соответствуют гендерным стереотипам, 95% – не осознают либо “вытесняют” собственные гендерные характеристики.

Опросник С. Бэм: 30% женщин – фемининны, 70% – андрогинны. Их представления о мужчинах: 5% – ярко выраженная маскулинность, 40% – маскулинны, 55% – андрогинны. 30% мужчин – маскулинны, 70% – андрогинны. Их представления о женщинах: 35% – фемининны, 65% – андрогинны.

Интерпретация результатов проводилась при помощи метода ранговой корреляции 2-х факторов Спирмена. В подростковом и зрелом возрасте подсчитывались коэффициенты ранговой корреляции между рангами октантов наличием фемининных-маскулинных характеристик (индекс андрогинии) и подверженностью личности гендерным стереотипам.

Обобщение полученных в процессе проведенного экспериментального исследования результатов позволило нам более полно охарактеризовать содержательные стороны исследуемых феноменов, их динамику и выявить имеющиеся закономерности.

Мы полагаем, что гендерная идентичность выступает как важная характеристика целостности личности. Прослеживается определенная динамика усвоения гендерных стереотипов в разные возрастные периоды. Исследуемая зависимость между наличием маскулинных/фемининных характеристик (гендерной идентичностью) и подверженностью личности гендерным стереотипам наиболее ярко проявилась в дошкольном возрасте, а в подростковом и зрелом возрасте зависимость между изучаемыми характеристиками не найдена. Следовательно, для данных возрастов соответствие гендерным стереотипам не столь значимо, чем в дошкольном возрасте. Это может быть объяснено тем, что в нашем обществе изменяются традиционной системы полоролевых стереотипов, серьезно влияя при этом на поведение мужчин и женщин. Жесткая нормативность и поляризация деятельности и установок постепенно уступает место принципу индивидуальной вариабельности, которая зависит от половой принадлежности индивида, но отнюдь не сводится к ней.

Необходимо также обратить внимание и на следующие моменты:

- по соматическим признакам существуют выраженные отличия между мужчинами и женщинами. Однако эти признаки жестко не детерминируют поведенческие реакции, в их влиянии на поведение значимую роль играют социальные факторы. Гендерная социализация выступает как процесс усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе;

- если до недавнего времени делали акцент на предотвращение феминизации мальчиков, то сегодня, как это следует из полученных нами данных, не меньшее внимание должно быть уделено предотвращению психологической маскулинизации девочек, а решение проблемы оптимизации полоролевого воспитания отношений между полами становится еще более актуальным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коломинский Я.Л., Мелтсас М.Х. Ролевая дифференциация пола у дошкольников // Вопросы психологии. – 1985. – №3. – С.165–171.
2. Сапогова Е.Е. Психология развития человека. – СПб., 2000.
3. Абраменкова В.В. Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе // Вопросы психологии. – 1987. – №5. – С.70–78.
4. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Изд-во “Питер”, 1999.
5. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. Клециной. – СПб.: “Питер”, 2003.
6. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: “Прайм – ЕВРОЗНАК”, 2002.
7. Келли Г.Ф. Основы современной сексологии. – СПб.: Изд-во “Питер”, 2000. – 896 с.
8. Реан А.А. Психология изучения личности: учебное пособие. – СПб., 1999.
9. Каган В.Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. – 1987. – №2. – С. 54–61.
10. Юферева Т.И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. – 1985. – №3. – С. 84–90.
11. Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурные исследования стереотипов женского поведения // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С. 68–85.
12. Кудинов Г. Полоролевые аспекты любознательности подростков // Психологический журнал. – 1998. – Т.19. – №1. – С. 26–36.
13. Романов И.В. Особенности половой идентичности подростков // Вопросы психологии. – 1997. – №4. – С. 39–47.
14. Агеев В.С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы психологии. – 1985. – №3. – С. 135–140.

УДК 159.9:377.5

Даниленко А.В.

СООТНОШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ЭТИОПАТОГЕНЕЗЕ ГИПЕРКИНЕТИЧЕСКОГО СИНДРОМА

Гиперкинетический синдром под разными названиями известен более 140 лет. Во всем мире гиперактивность скрывается за общепринятой аббревиатурой ADHD (англ. *Attention Deficit / Hyperactivity Disorder*), которая была предложена широко известной Классификацией Американской Психиатрической Ассоциации (DSM – IV). В Международной классификации болезней (ICD – 10), предложенной Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ), она выступает как «гиперкинетическое нарушение», в отечественной науке известно как «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ) [1, 11]. В Польше гиперактивность определяет-

ся как комплекс двигательного-психической сверхвозбудимости и дефицита внимания. На наш взгляд данная формулировка более точно отражает особенности упомянутой проблемы. Сверхвозбудимость может быть не только двигательной, как подразумевается формулировкой «гиперкинетическое нарушение», но также, познавательной и эмоциональной. Не совсем удачным нам видится и определение «синдром дефицита внимания с гиперактивностью», поскольку, как это будет сказано ниже, не всегда дефицит внимания является доминирующим, первостепенным проявлением синдрома.

Число детей с гиперкинетическим синдромом растет во

Даниленко Алла Виленовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.